

Карпатская Русь

В этой рубрике будут печататься произведения карпато-русских писателей, поэтов и публицистов, которых нам – кровным родичам – следует помнить, спасти от полного забвения, восхититься волшебной красотой и богатством их любимого края, так долго замолченного и скрываемого от нас – наследников общего нашего же прошлого. Пробуем родовую память....

Ведущая рубрики
Наталья ГАТТАС

Плодом нашего сотрудничества с Натальей Гаттас стало возвращение в Россию забытых авторов. В том числе - трудов собирателя дохристианского культурного наследия карпатороссов Ильи Ивановича Тёроха, трёхтомник которого «Сварог» опубликован нами в России в 2009 г.

В XIX в. немцам и австрийцам удалось привить в Галичине и Буковине идею украинского сепаратизма. В связи с этим И.Тёрох писал:

«Несмотря на этот поистине диавольский замысел разделения русского народа для постепенного покорения его, мы верим, что этот замысел, как и другие немецкие эксперименты над славянами, не осуществится и что единый русский народ, крепко сплотившись и объединив вокруг себя всё славянство, даст немцам такой отпор, что они не будут больше в состоянии мутить русскую и вообще славянскую воду.

От разбойного тевтонского кулака погибли миллионы славян, но об их существовании в прошлом свидетельствуют по всей северной и восточной Германии, бывшей Славии, и по бывшим австрийским провинциям бесчисленные славянские названия фамилий, местностей, рек, гор и множество славянских слов, которыми кишит немецкий язык» («Свободное слово Карпатской Руси», №7, 1963. N.Y. USA).

Далеко не всё население этих местностей изменило Родине: самая сознательная и просвещённая его часть - русины-карпатороссы – продолжали считать себя русскими, несмотря на неслыханные преследования и террор, виселицы и расстрелы, истязания, тюрьмы и мучения в концлагерях Терезины и Телергофа во время Первой мировой войны. Возглавляли движение сопротивления представляемые под нашей новой рубрикой выдающиеся писатели русского Закарпатья. Они, не давшие сбить себя с толку, пользовались русским литературным языком, воспитывали молодое поколение и дальше в духе народного культурного единства, издавали на русском языке свои книги, газеты и журналы.

Наталья Гаттас оказала также неоценимую помощь в поисках 10 томов книги Сергея Лесного «История "Руссов" в неизвращённом виде», которую нам тоже удалось издать в России. Я желаю Наталье Гаттас, а также новой рубрике - «Карпатская Русь» - интересной и долгой жизни!

Главный редактор
Олег ГУСЕВ

ИДУ К ТЕБЕ

У всего сущего свой час. И является неявленное, и открываются стародавние тайны, уставшие от пыли времени, от невидимой жизни по иную сторону. И забываемое прошлое тихо входит в настоящее, а настоящее неизбежно стремится в будущее, становясь прошлым в свой черед. И недаром говорят, что времени нет, но есть неостановимый поток жизни, и в какой-то момент бьёт урочный час. Почему-то...

Пробил час, и в очередной раз взяла я в руки книжечку Василия Ваврика (1889-1970) «Краткий очерк галицко-русской письменности». И почему-то на сей раз задержалась на биографии Мариана Глушкевича: доктор юридических наук, судья, адвокат, общественный деятель, поэт-лирик. Ничего себе сочетание. Правда, русский мир так богат разнородными талантами: Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Бородин, Гончаров, Адмирал Ушаков - несть числа. А теперь вот - Мариан Глушкевич.

Открываю Интернет: Мариан Феофилович Глушкевич (1877-1935), повторение статьи Ваврика, а в конце стих:

*Приди ко мне в полночный час,
когда в величии суровом,
под тихой ночи звездным кровом
утонет в грезах старый вяз, -
в тот тихий час с тоской в груди
приди ко мне, приди, приди...*

Уже поздно, спать пора. Но какой сон! Летела я под звездами к старому вязу в грезах в полночный час, где ждал Он...

Утром - стрелой в главную городскую библиотеку. Где стихи? Да, есть два сборника в разных штатах. Можно заказать, пришлют. Ах, горькое терзание: ждать и догонять. Дождалась. Забыв дышать открываю «Сборник стихов» 1907 г. Вмиг - копию. Читаю, живу в стихии тончайшей поэзии...

*Я ждал тебя под вечер вешней,
В саду, где яблони цвели,
Где белым роем цвет черешни
Кружился в золотой пыли...*

И снова - урочный час: в руках еще один сборник «Символы и иллюзии», 1922 г. И опять забываю дышать: книга неразрезанная, т.е. с 1922 г. здесь я - первая читательница. Вот как иногда бьют часы - тут через 91 год. Хотя рецензии на сборник в Галичине были.

*С ленивым гулом катит время
громады волн во тьму пустынь...*

Но... остается ненайденным третий сборник стихов. Лечу в Россию. Из Внуково - прямо в Румянцевскую библиотеку. С багажом.

Мой родной город хранил для меня немислимый подарок: третий сборник Глушкевича «Мелодии», 1903 г. Да не простой, а золотой: с дарственной надписью рукой самого поэта. Время перестает быть, расстояния тоже, едина с «Мелодиями», сливаюсь

с неземной красотой:

*Я видел: в отблеске румян
закат весенний угасал,
восток подернулся туманом,
на землю тихий сон слетал...*

Мариань Глушкевичь Чары Галицкой Руси

Книжечка тоненькая, скоро кончается, возвращаюсь к началу еще и еще раз....

*Овеян сном очарованья,
молился я на образ твой,
и светлых мыслей упованья
царили в выси неземной....*

В стихах Мариана Глушкевича моменты экстатического счастья чередуются с печалью, ощущением забытости и ненужности, и все это неотъемлемая часть жизненных переживаний, где воедино покой, грусть, чудо новизны, полыхающая страсть-любовь, заоблачный мир, непознаваемое и недостижимое нечто, воспоминания о невозвратимых утратах, упование... Тончайшие ускользающие чувства и видения передаются чарующим Словом. Язык Глушкевича прекрасен, слова его - зов в нездешнюю красоту, туда, где слышны звуки Небес...

И еще одно жемчужное сведение - называли Глушкевича Галицким Лермонтовым: тоска и одиночество охватывали его, судя по стихам, достаточно часто:

*Я устал. Мне ненавистен
Мутный бред людских страстей.
Я устал от ложных истин,
От врагов и от друзей.*

Итак, я обладательница, пусть в копиях, всех трёх книг стихов замечательного карпаторусского поэта из Галицкой Руси (Червоной Руси) Мариана Феофиловича Глушкевича. Но, к великой моей грусти, нет ни в одном сборнике ни предисловия, ни послесловия. О бытии Глушкевича известно-крайне мало.

Из посвящения к изданию 1907 г. узнаем имя его жены: Александра. Ваврик сообщает нам, что она была дочерью Богдана Дедицкого - первого профессионального журналиста Галичины. «Символы и иллюзии» посвящены дочери Татьяне. Стих «В снежной дымке деревушка» увозит нас к матушке-старушке поэта. Но деревня остается без названия. Был брат, рано ушедший из жизни (не позже 1903 г.)...

Фёдор Фёдорович Аристов пишет, что родился Мариан Глушкевич в семье священника, 9 лет был отдан в немецкую гимназию. Прибавим сюда еще крохи сведений Ваврика: в 1915 году Мариан Глушкевич был принят в Братство Ставропигийского Института в один день с Богданом Феофиловичем Глушкевичем. Редкое отчество позволяет предположить, что это был брат - доктор философии, тоже писавший стихи, публиковавшиеся, в частности, в «Галицко-Русской Матице».

Во время пребывания Русской армии в Перемышле в 1914-1915 гг. Глушкевич был городским головой. Отступил вместе с армией, оказался в Ростове-на-Дону, где стал директором банка. Там же в 1917 г. издал брошюру

«Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси».

Есть еще у Ваврика короткое упоминание о Глушкевиче: в 1929 г. поэт написал стихотворение в честь выдающегося карпаторусского ученого-археолога Исидора Шараневича и отослал его Федору Аристову.

Что делал и как был Мариан Глушкевич до 17 июня 1935 года, когда перестал жить, пока малоизвестно. Скончался он от рака желудка во Львове. Упокоился в Братской могиле русских журналистов на Лычаковском кладбище во Львове. Книги его не переиздавались, имя и деятельность его засыпаются прахом забвения. Но...

Снова бьёт урочный час, и я не дам исчезнуть его имени и волшебной поэзии во тьме пустынь...

Мариан, приди ко мне в настоящее будущее,
Приди ко мне в будущее настоящее,
Я жду тебя в глухую полночь зимой
И в золотую осень,
И когда летит черешневый карпатский цвет -
И всегда...

Наталья ГАТТАС

Мариан ГЛУШКЕВИЧ

*Среди аллеи ночных теней
глядя на белозвёздный мост,
мы вняли скрип душистых лип,
и тайный сказ пугливых звёзд...
Меж темных хвой туман седой,
бродя, опалом отливал,
а ручеек волнами строк молитву сна цветам шептал.
Сквозь занавес золотых небес
Был виден храм волшебных снов,
и жадный ум, исполнен дум,
витал на грани облаков...
И все вокруг замолкло вдруг,
лишь сердце пело песнь без слов, —
к нам в этот миг шла без вериг
святая грешница — любовь...*

*Леса шумят и шумом смутным
бушует вихрь в осенней тьме...
Мой милый друг, побудь при мне, —
так тяжело думам безпрютным,*

так страшны призраки во сне.

*С ленивым гулом катит время громады волн во тьму пустынь, —
в груди кипит слеза-полюнь,
кошмар, как склеп, сдавил мне темя, уймись больная кровь,
остынь...*

*Не стынет кровь, — то жар, то стужу
она, клубясь, бросает в грудь,
мне душно, друг мой! Ни уснуть,
ни боль в слезах излить на ружу!*

*приди, желанная, побудь!
Ты помнишь юного поэта?
Под шум, под майский шум берез
тебе он счастье первых слез,
тебе он зарево привета и клятву, и обет принёс.*

*Приди - же утолить больного,
дай руку мне, мой бедный друг!*

*И ты, ты исцелишь недуг
одной мечтой и лаской слова
ты подкрепишь мой павший дух!*

*Когда тебя со мною нет,
я болен от тоски и скуки
и дни тяжелые разлуки
ползут как ряд тюремных лет.*

*На что мне солнца дивный свет?
на что орлиные мне очи?
для них и день темнее ночи,
когда тебя со мною нет.*

*Не сладок мне друзей привет
и чужды радость и забвенье,
и дни, как ряд тюремных лет:
ни жизнь, ни смерть, ни сон,
ни бденье.*

*Леся, Леся, день воскрес!
глянь, в тумане серебристом
вспыхнул дальний край небес,
скрыла в перле сих чудес, —
Леся, Леся, день воскрес!*

*Леся, Леся, полно спать!
мы в поля, в леса ускорим,
будем песни напевать,
будем сны твои гадать,
посмеемся и заплачем,
Леся, Леся, полно спать!*

*Леся, Леся, что с тобою?
ты печальна, ты бледна!
иль терзаешь грудь тоскою,
сердце ль злым виденьем сна?*

*Леся, Леся, я с тобою!
Леся! Видишь, под слезою тает призрак от лучей,
слёзы-ж лаской и мольбою
сею я с твоих очей!
Леся, Леся, я с тобою!*

(Ведущая рубрики использует до-реформенное написание приставки «без», при адаптации текстов к современной орфографии. - Ред.)